

АРХИТЕКТУРНАЯ АРХЕОЛОГИЯ ДОМОНГОЛЬСКОЙ РУСИ ЗА ПОСЛЕДНИЕ ДВАДЦАТЬ ЛЕТ

Давно известно, что археологическое изучение памятников домонгольской архитектуры явилось основой небывалого расцвета науки о раннем периоде русского каменного строительства. Раскопки дали в руки историков и реставраторов огромный пласт материала для сравнений, анализов, реконструкций, материала массового, хорошо датируемого, отграниченного от позднейших достроек, а следовательно, искажений. Можно уверенно утверждать, что без широких археологических исследований архитектуры Руси X—XIII вв. история этой отрасли науки сложилась бы по-иному, развивалась медленнее, с гораздо большими трудностями.

Уже в начале XX в. благодаря работам лучших представителей дореволюционной науки, таких, как Д. В. Милеев, П. П. Покрышкин, К. К. Романов и другие, возник синтез областей истории, археологии, искусствоведения, которые образовали сферу архитектурной археологии. В первые 10—15 лет XX в. начала слагаться законченная методическая система, с помощью которой исследователи приступили к разрешению задачи выявления, фиксации и осмысления веками скрытых в земле шедевров древнерусского зодчества. Были сделаны первые полевые открытия — в Киеве изучались Десятинная церковь, храм Спаса на Берестове, дворцы киевских князей, была исследована Васильевская церковь в Овруче, а в Смоленске — церковь Бориса и Глеба на Смядыни.

Новый этап комплексного исследования домонгольских памятников архитектуры начался с 20-х годов, уже в советское время. Молодая советская наука, получив в наследство от ученых XIX—начала XX в. значительный, но разрозненный, мало еще осмысленный материал, состоявший из массы обрывочных, не всегда достоверных информаций, а также не утвердившуюся еще полностью методика, постепенно вырабатывает общие принципы комплексного подхода. «Памятники архитектуры, — писал в 1920 г. Н. Б. Бакланов, — благодаря своей сложности, может быть, более, чем другие памятники материальной культуры, являются полной характеристикой страны, эпохи и народности, их создавшей, объединяя в себе ряд физических и моральных воздействий окружающей их среды, а будучи прикреплены к месту, являются наиболее бесспорными документами в отношении жизни страны»¹. С 30-х годов начинается систематическое, рассчитанное на десятилетия исследование наиболее крупных городов Древней Руси, в круг которого входит и архитектура. Наступает время чрезвычайно активного, жадного, массового открытия и изучения памятников зодчества X—XIII вв. — своеобразный «героический период» древнерусской архитектурной археологии. Чрезвычайно резко увеличивается число известных науке домонгольских монументальных сооружений, коренным образом меняются представления об истории искусства этого периода. Древнерусское зодчество — высшая форма проявления народного творчества, народного гения — приобретает особый вес в общей сумме исторических сведений о Руси. Подход к архитектурным сооружениям как к неисчерпаемым источникам исторического материала нашел наиболее полное отражение уже в 50-х годах в известной статье Н. Н. Воронина².

Комплексные археологические экспедиции открывают в 30—50-х годах десятки ранее известных лишь по названиям (или вообще неизвестных) каменных построек X—XIII вв. в Киеве, Новгороде, городах Владимиро-Суздальской земли и других княжеств. Работы, проводимые под руководством выдающихся историков — Н. Н. Воронина, М. К. Каргера,

Б. А. Рыбакова, увеличивают число известных памятников более чем втрое. На археологов ложится задача обобщения накопившегося материала, формулирование новых основных положений истории домонгольского зодчества и древнерусской культуры вообще. Эта задача успешно решалась в конце 40—50-х годов.

Грань нового периода в изучении археологами древнерусской архитектуры наметилась на рубеже 50—60-х годов. В это время подводятся итоги работе, появляются первые обзоры сделанного. Архитектурная археология вступала в 60-е годы триумфально, с богатейшим запасом материалов. В начале 60-х годов выходят в свет обобщающие капитальные монографии по архитектуре древнего Киева (М. К. Каргер) и Владимиро-Суздальской Руси (Н. Н. Воронин), подводившие в значительной степени черту под рядом вопросов истории искусства и культуры изучаемых княжеств³. Много нового стало известно и об архитектуре Новгорода, Чернигова, Переяславля-Южного. Общие итоги работе археологов на архитектурных памятниках с конца XIX в. и до 60-х годов были подведены в ряде обобщающих статей⁴. Все это свидетельствовало о наступлении определенного рубежа в изучении зодчества, об окончании большого этапа работ, о потребности оглянуться на пройденный путь.

Разумеется, он не был идеально гладким. Стремление открыть и исследовать как можно больше памятников, ограниченность возможностей работы в современных городах, не до конца изжитое тяготение к познанию в основном архитектурно-художественных особенностей памятника в ущерб строительно-техническим и даже историческим — вот отрицательные черты, сказавшиеся особенно в работах 30—40-х годов и чаще всего при раскопках архитекторов-реставраторов или местных ученых-краеведов.

Примерно с середины 60-х годов начался новый период архитектурно-археологических исследований, характеризующийся в целом более глубоким осознанием сложности, тонкости этих работ, повышенным вниманием к методической стороне исследований, исчерпывающему, многостороннему сбору информации об отдельном памятнике и полному охвату работами целых областей или городов. Целью настоящей статьи является характеристика первых 20 лет этого еще далекого от завершения периода, оценка всего того, что внесено им в историю культуры Руси, всего нового в самой архитектурной археологии как в сфере пересечения некоторых отраслей исторической науки на новом этапе ее развития.

Уже публикации начала 60-х годов отразили слабую изученность археологами (а следовательно, и в целом) архитектуры целого ряда областей Руси — в основном северо-западных и юго-западных, — а также недостаточное освещение сложных процессов, происходивших в домонгольском зодчестве в конце XII—первой трети XIII в. Так, опубликованная в 1964 г. работа М. К. Каргера о памятниках Смоленска наглядно продемонстрировала отрывочность, даже недостоверность материалов и информации, на которые пришлось опираться исследователю⁵. Немудрено, что центральной областью архитектурно-археологических работ в 60-х годах становится Смоленск, исследования в котором велись под руководством Н. Н. Воронина и П. А. Раппопорта. Эти исследования стали своеобразной лабораторией по разработке методов изучения монументальных сооружений. Обилие первоклассных, сравнительно хорошо сохранившихся памятников, относительно малая застроенность города современными зданиями — все это способствовало организации систематических, планомерных исследований, в результате которых за десять лет работы было исследовано 13 древних зданий, а общее число достаточно хорошо известных науке монументальных построек Смоленска достигло 19. Материалы исследований дали возможность подробно восстановить историю смоленского зодчества XII—XIII вв., сделать ряд важнейших выводов: о постройке первого каменного здания города — Успенского собора — южнорусскими (киевскими) мастерами, об организации местных кадров строителей в 40-х годах XII в. группой чернигов-

ских водчих; о начале обособления собственно смоленской архитектурной школы в 70 и 80-х годах и о воздействии на этот процесс в 80—90-е годы выработанного в Полоцке типа центрированного трехпритворного храма с динамичным силуэтом. Был в основном решен давно терзавший историков вопрос о происхождении сложнопрофилированных смоленских пилластр, сделаны важные наблюдения над строительной техникой, нарисована широкая картина яркого расцвета местного зодчества в конце XII—начале XIII в. На основе исследования смоленских памятников удалось выделить ряд несомненно смоленских построек в других городах: Новгороде, Киеве, Старой Рязани. Результаты исследований уже нашли отражение в капитальной публикации, и здесь нет необходимости останавливаться на них подробнее⁶.

Параллельно с исследованиями в Смоленске велись продолжающиеся и до сих пор раскопки в Полоцке и других городах северо-запада Руси. Работы ленинградских исследователей — М. К. Каргера, П. А. Раппопорта, В. А. Булкина в 60—70-х годах позволили по-новому представить историю полоцкого зодчества. Систематические раскопки вокруг Софийского собора и внутри него, проводившиеся начиная с 1975 г. В. А. Булкиным, позволили наконец окончательно решить вопрос о датировке западных апсид (они не одновременны основному объему), открыли целый ряд пристроек к собору⁷. Раскопанные в 1967—1968 гг. под руководством М. К. Каргера остатки храма на Верхнем Замке дали основание связать воедино историю развития смоленской и полоцкой архитектуры⁸. Не прекращаются начатые еще в 20-х годах Н. И. Бруновым и И. М. Хозеровым исследования знаменательного в истории древнерусской архитектуры ансамбля Спасо-Евфросиниевского монастыря, роскошный храм-усыпальница которого, вскрытый раскопками М. К. Каргера в 1961—1962 гг. и исследованный в 1976 г., построен несколько раньше знаменитого Спаса⁹. Другой крупный комплекс построек Полоцка — Бельчицкий монастырь, казавшийся потерянным для науки из-за почти полного разрушения, частично исследован в 1965 и 1977 гг. («Большой» храм)¹⁰. Наконец, в последние годы обнаружены и исследованы три новые домонгольские постройки: храмы «На рву»¹¹ и «На Нижнем Замке»¹², а также терем в детинце¹³. Чрезвычайно интересный храм Бориса и Глеба в Новогрудке (руины которого изучены М. К. Каргером в 1961—1962 и 1965 гг.) дает важный материал для заключений о взаимосвязях строительных групп Полоцка и Витебска XII в. благодаря последовательному участию в строительстве мастеров обоих центров¹⁴. В Новогрудке исследованы также остатки каменной оборонительной башни XII в.¹⁵ Небольшие архитектурно-археологические работы были проведены в 1968 г. на церкви Благовещения в Витебске в связи с необходимостью восстановления ее после уничтожения в 1961 г.¹⁶ До этого разведочные работы здесь проводил Г. В. Штыхов¹⁷. Появилась возможность реконструировать некоторые особенности памятника, ранее не известные (наличие трех притворов и развитого высокого цоколя).

Среди сооружений северо-западной Руси, исследованных в 60-е годы, особого внимания заслуживают остатки несохранный храма XII в. на Замчище в Волковыске, относящегося к гродненской архитектурной школе. Начавшиеся еще в 50-х годах и вновь проводившиеся в 1966 г. раскопки вскрыли изумительно сохранившуюся древнюю строительную площадку¹⁸. Эти материалы, вплоть до настоящего времени остающиеся мало опубликованными, тем не менее послужили одной из основ для разработки вопроса об организации строительства в Древней Руси¹⁹.

Широкие археологические работы развернулись в 60—70-х годах на древнерусском Севере, охватив вместе с домонгольской и всю средневековую архитектуру. Большое значение для истории зодчества Новгорода имело археологическое раскрытие М. К. Каргером церкви Благовещения на Городище и исследование группы памятников XII в. (Никола-Двориченский собор, церковь Бориса и Глеба в кремле), у которых были найдены остатки лестничных башен. Это дало возможность выделить

круг построек школы «мастера Петра» (церковь Благовещения 1103 г., Николо-Дворищенский собор 1113 г., Георгиевский собор Юрьева монастыря 1119 г.)²⁰.

Благодаря археологическим раскопкам стали известны церковь Успения Аркажского монастыря (1188—1189 гг.), изученная в 1962 г. экспедицией Новгородского исторического музея²¹, и церковь Пантелеймона (1207 г.) (раскопки П. А. Рапопорта в 1978 г.)²².

Характерно широкое участие в архитектурно-археологических работах сотрудников Новгородских реставрационных мастерских, исследовавших фундаменты храмов Петра и Павла на Синичьей горе, Благовещения близ Аркажского монастыря, храма 1198 г. в г. Старая Руса и других построек²³. Особенно важными были раскопки под руководством Г. М. Штендера в интерьере Софии Новгородской, давшие материал по внутреннему устройству алтарной части храма²⁴.

Существенно изменились благодаря археологическим раскопкам и наши представления о древних северных крепостях. В 70-е годы А. Н. Кирпичниковым в Старой Ладоге были открыты каменные крепостные стены IX—X вв.²⁵ (работы 1972, 1974—1975 гг.), а В. В. Седовым в Изборске — стены XI—XII вв.²⁶ Продолжалось и исследование культовой архитектуры Старой Ладоги (изучение остатков стен и фундаментов Никольской церкви второй половины XII в. в 1970, 1974—1975, 1979 гг.)²⁷.

В Пскове, где основное внимание привлекают архитектурно-археологические исследования памятников конца XIV—XVI вв., полностью вскрыта раскопками только одна домонгольская постройка — церковь Дмитрия Солунского (работы экспедиции Государственного Эрмитажа в 1965—1966 гг. под руководством В. Д. Белецкого)²⁸.

Несмотря на то что деятельность археологов центральных археологических учреждений в 60—70-х годах была обращена в первую очередь к изучению архитектуры северо-запада Руси (особенно это касается сектора славяно-финской археологии ЛОИА), история зодчества южнорусских княжеств также обогатилась многочисленными исследованиями новых памятников. В 50—60-х годах на Украине, прежде всего в Институте археологии Академии наук УССР, сформировались собственные кадры исследователей зодчества домонгольского периода, под руководством которых и осуществляются основные архитектурно-археологические работы, что не исключает, конечно, широкого участия в исследованиях ученых Москвы и Ленинграда.

Киев — колыбель русской архитектурной археологии, ставший уже с начала XIX в. центром активных поисков и исследований домонгольских сооружений, в 30—50-х годах XX в. подвергавшийся архитектурным раскопкам больше любого другого города, наглядно продемонстрировал в 60—70-х годах, что «запасы» древних построек в нем еще далеко не исчерпаны. Благодаря работам киевских археологов был введен в научный оборот ряд новых памятников и собрано много дополнительных сведений по уже известным. Чрезвычайно важным, ключевым для истории домонгольской архитектуры является открытие в 1963, 1974—1975 гг. Кловского собора Богородицы Влахерны, построенного на рубеже XI—XII вв., близкого по строительной технике к Десятинной церкви²⁹. Очень интересны также здания конца XII—начала XIII в. — фрагмент храма в Копыревом конце Киева (исследования 1967 г.)³⁰ и «киевская ротонда» — центрическое одностолпное здание (исследования 1975—1976 гг.)³¹. Большой интерес представляет новое открытие дворца на Старокиевской горе (в бывшей усадьбе Петровского)³². К сожалению, материалы исследования этого дворца пока не опубликованы. Делались попытки доследовать и другие дворцы, были открыты остатки домонгольского храма в урочище Церковщина на южной окраине Киева³³.

Неотрывной частью киевской архитектурной археологии продолжает оставаться изучение памятников, разрушенных сравнительно недавно или сохранившихся, но перестроенных. Крупным событием в этой об-

ласти стало полное исследование остатков храма Успения Богородицы Пирогощи на Подоле (1131—1135 гг.), разобранного в 30-х годах (работы Института археологии АН УССР 1976—1978 гг.)³⁴. При работах выяснились оригинальные черты строительной техники — чрезвычайно глубокие (более 3,6 м) фундаменты, использование кирпича с «волнистой» поверхностью и т. д. В 60—70-х годах была завершена огромная работа по разборке руин и архитектурно-археологическому исследованию знаменитого Успенского собора Киево-Печерского монастыря, погибшего во время Великой Отечественной войны. Последний этап работы — 1970—1971 гг. — был посвящен очистке западной части храма и Иоанно-Предтечепской церкви, а также общему изучению интерьера собора и строительной техники³⁵. В результате руководителю исследований Н. В. Холостенко удалось сделать ряд важных заключений относительно ритуала закладки памятника и организации строительных работ, собрать обильный материал для дальнейших исследований техники.

Неизменно привлекают к себе внимание уже неоднократно изучавшиеся памятники. Так, в 1971—1972 гг. при реставрационных работах был археологически изучен интерьер Михайловского собора Выдубицкого монастыря, что позволило определить следы несколько более поздней, чем основной объем, достройки нартекса и некоторые исчезнувшие сейчас фрагменты внутреннего убранства³⁶. При раскопках 1971—1972 гг. вокруг Золотых ворот удалось существенно уточнить данные об их конструкции, особенно о связи с примыкающей частью валов³⁷.

Наконец, раскопки в Киеве позволили накопить некоторые материалы по истории строительства и связанного с ним производства. Здесь изучены довольно хорошо сохранившиеся фрагменты строительных площадок, организованных при возведении архитектурных ансамблей X—XI вв. В их числе — комплекс печей конца X в. для обжига кирпича³⁸ и впервые в истории изучения домонгольского строительства целый ряд печей для отжига известня (30—40-е годы XI в.)³⁹.

Примерно так же развивалось исследование в 60—70-е годы древних памятников Переяславля-Южного. В основном составленная на основе раскопок 50-х годов картина монументального строительства XI—XII вв. пополнялась и уточнялась. Работы предыдущего этапа были закончены раскрытием в 1959—1963 гг. великолепного комплекса епископского «замка» — гражданской постройки и проездных ворот XI в.⁴⁰ В 1974—1975 гг. повторно изучались (после раскопок в 40—50-х годах под руководством М. К. Каргера) остатки собора Михаила Архангела⁴¹.

Важным дополнением к материалам истории южнорусского зодчества стали исследования двух храмов в Белгороде Киевском, впервые раскопанных еще В. В. Хвойкой: храма Двенадцати апостолов, вновь исследованного в 1966—1967 гг. под руководством Г. Г. Мезенцевой и Ю. С. Асеева⁴², и «малого храма», полностью изученного в 1968—1969 гг. под руководством Б. А. Рыбакова⁴³. Результаты этих работ, к сожалению, опубликованы лишь частично.

В Чернигове, одном из крупнейших центров домонгольского каменного строительства, широкие археологические исследования памятников зодчества в основном завершились в конце 50-х—начале 60-х годов раскопками двухкамерного терема XI в. (1959—1960 гг.)⁴⁴ и Борисоглебского собора (1959—1961 гг.)⁴⁵. Архитектурно-археологические исследования, проводившиеся в 60—70-е годы под руководством Н. В. Холостенко и связанные с реставрацией, дополнили наши сведения об интерьере Ильинской церкви (1964—1965 гг.)⁴⁶ и Спасского собора (1966—1969 гг.)⁴⁷.

Важные сведения по истории зодчества Северной земли дали работы, проведенные в Путивле. Раскрытый здесь под руководством В. А. Богусевича в 1959—1961 гг.⁴⁸ необычный храм с боковыми капеллами-певницами был частично изучен в 1965 г. Б. А. Рыбаковым, что привело к существенной передатировке памятника — 30-е годы XIII в. вместо второй половины XII в.⁴⁹

Необходимо, наконец, упомянуть два памятника, открытые в Турове и Трубчевске и тяготеющие к южнорусскому зодчеству. Храм в Турове, датирующийся серединой—второй половиной XII в., относится к типу крупных трехнефных шестистолпных храмов и несет на себе следы большой катастрофы, связанной, по-видимому, с инженерным просчетом, и последующих ремонтов⁵⁰. Четырехстолпная церковь в Трубчевске принадлежит к черниговской архитектурной школе конца XII—начала XIII в.⁵¹

Все еще недостаточно изученным остается зодчество юго-западной Руси, хотя работы здесь постепенно активизируются. В 1975 г. П. А. Раппопорт повторил раскопки А. В. Прахова «Старой Кафедры» во Владимире-Волынском и получил очень существенную информацию, не только уточнив план и особенности строительной техники, но и открыв под фундаментами храма второй половины XII в. остатки маленькой, более древней церкви⁵².

Начинают накапливаться материалы о домонгольском зодчестве Галицкой Руси. К открытой в 1960—1961 гг. в Перемышле четырехстолпной церкви⁵³ добавились материалы об остатках стен и башен древнерусской крепости Львов XII—XIII вв., изученных в 1975—1976 гг. экспедицией Института общественных наук УССР⁵⁴. В 1965—1972 гг. под руководством А. А. Ратича был исследован и частично опубликован дворцовый комплекс в Звенигороде на Белке (включавший руины дворца и церкви)⁵⁵. С 1977 г. пачато систематическое изучение галицкого зодчества: в 1977—1978 гг. раскопаны остатки деревянной церкви XII в. в Звенигороде, в 1979 г. заново раскопана известная по материалам работ XIX в. постройка «полигона», оказавшаяся небольшой церковью с планом в форме квадрифолия⁵⁶.

Вне сферы активного археологического изучения временно оказались памятники Владимиро-Суздальской Руси, что, разумеется, не может быть оправдано существованием капитального труда Н. Н. Воронина, поскольку значительное количество построек XII—XIII вв. все еще не найдено, да и существующие памятники требуют дальнейшего изучения, а в ряде случаев, быть может, и некоторого пересмотра наших представлений о них. Думается, что постепенное накопление вопросов скоро заставит искать ответы на них в новых раскопках.

Более активно сферу архитектуры затронула археологическая деятельность в Старой Рязани. Здесь были повторно изучены с целью уточнения плана и музеефикации остатки Спасского собора (1968 г.)⁵⁷ и церкви в Новом Ольгове Городке (1970 г.)⁵⁸ — памятники, тесно связанные со смоленской архитектурной школой, а в последние годы (1979 г. работы под руководством В. П. Даркевича) — и части руин Борисоглебского храма середины XII в.

Подводя итоги полевому изучению памятников русской домонгольской архитектуры в 60—70-х годах, можно с уверенностью говорить о существенном обогащении как общего фонда исследованных зданий X—XIII вв., так и научных сведений о многих постройках. В общей сложности серьезными археологическими работами было затронуто более 70 памятников, из которых примерно 33 впервые введены в научный оборот. Обогатились наши знания об истории домонгольского зодчества, в совершенно новом свете предстали многие архитектурные школы — особенно смоленская, полоцкая; изменились представления о взаимосвязях отдельных строительных традиций — переяславской и волынской, рязанской и черниговской; все более рельефно выступают характерные черты древнерусской строительной техники, одеваются плотью схематичные ранее представления о средневековом строительстве.

Необходимо добавить, что в 60—70-е годы был введен в научный оборот ряд материалов археологических раскопок, до того времени не опубликованных и послуживших теперь для новых умозаключений и реконструкций. Так, были опубликованы материалы исследований церкви Василия в Овруче⁵⁹, материалы исследований раскопанной Б. А. Рыба-

ковым Михайловской церкви (1174 г.) в Чернигове⁶⁰, данные об изучении Батыевых ворот в Киеве⁶¹ и информация о раскопках храма-квадрифолия в с. Побережье в 1959 г.⁶² Обработаны материалы раскопок М. К. Каргером церкви Михаила в Переяславле.

Постоянное накопление сведений по русской домонгольской архитектуре в 60—70-е годы настойчиво требовало переосмысления в двух планах — необходимо было обобщать данные для использования их в общей истории искусства и культуры, а с другой стороны, оценивать процессы внутри самой архитектурной археологии, искать пути дальнейшего совершенствования ее как с точки зрения методик, так и в первую очередь в вопросах исторической интерпретации накапливаемых материалов (как известно, эта сторона проблемы — вообще одна из самых болезненных в современной археологии). Наконец, назрела потребность уточнения отдельных информации — и в первую очередь датировок — на научной основе. Имевшиеся в наличии данные позволяли приступить к решению указанных проблем, что и вызвало к жизни целый ряд общих и локальных исследований — теоретических и конкретно-научных — в сфере архитектурной археологии.

Вопросы совершенствования методики полевых работ при раскопках архитектурных сооружений получили трактовку в специальной статье П. А. Раппопорта, основывающегося на многолетнем опыте подобных исследований⁶³. Основное внимание в статье было обращено на изучение технико-строительных особенностей здания, процесса его возведения. В новом издании «Методики реставрационных работ» археологическому изучению сооружений и особенно окружающего их культурного слоя был посвящен специальный раздел⁶⁴.

Конкретная полевая практика архитектурно-археологических работ в настоящее время постепенно забывается от главного недостатка большинства раскопок предшествующего периода — от стремления во что бы то ни стало получить в первую очередь общий план здания, пусть даже ценой утраты некоторого количества стратиграфических данных, несколько руины при этом отрезались от окружающего слоя и оказывались как бы в «стерильном» пространстве, «очищенными» от исторического контекста. Важными положительными примерами «микростратиграфического» исследования архитектурных сооружений стали уже упоминавшиеся работы Б. А. Рыбакова в Путивле и Белгороде Киевском в 1965 г. Раскопав всего одну из «певниц» храма на Городке в Путивле (почти полностью раскрытого в 1960 г. В. А. Богусевичем), исследователь сопоставил данные стратиграфии, говорившей о полном возведении объема (судя по прогнутости слоев от осадки здания) и почти немедленном разрушении его при монгольском нашествии. Так, путивльский храм получил необычную (для неизвестного здания) по точности, стратиграфически обоснованную дату⁶⁵. При исследовании в 1968—1969 гг. храма в Белгородке Б. А. Рыбаков применил метод последовательного изучения памятника с помощью широких траншей, позволявших получить многочисленные стратиграфические разрезы, сопоставление которых дало возможность полностью разобраться в сложной строительной истории участка — в соотношении «малого» и «большого» храмов, а также изучить остатки предшествовавшей деревянной церкви, майоликовый пол которой обнаружился в фундаментных рвах «малого» храма. Удалось также полностью зафиксировать план храма (чрезвычайно плохо сохранившегося), не прибегая при этом к «окопке» его по периметру.

Высокий методический уровень имели и раскопки 60-х годов в Смоленске. Так, глубокое изучение памятников конца XII—начала XIII в. позволило П. А. Раппопорту с целью сохранения культурного слоя и остатков сооружения для будущих исследователей удовлетвориться вскрытием лишь половины (северной) Троицкого собора Кловского монастыря и реконструировать вторую половину на основе полученных данных. Таким образом была обеспечена возможность контрольных рас-

копок и последующей музеефикации руин⁶⁶. Исполненная впоследствии (1978 г.) геофизическая съемка нетронутого участка подтвердила реконструкцию плана собора.

Следует отметить, что 60—70-е годы — время оживления исследований в области истории строительной технологии. Вновь после перерыва (чуть не с 30-х годов!) получены и опубликованы серии анализов домонгольских строительных растворов (по смоленским памятникам и храму в Тмутаракани)⁶⁷. Снова привлекли внимание знаки на древнерусских кирпичях, были сделаны попытки собрать их и использовать для изучения организации строительства на Руси и, возможно, для датировки. В результате удалось установить, что функциональное назначение знаков варьирует в зависимости от периода и местной архитектурной традиции⁶⁸. На материале смоленских памятников П. А. Раппопорт пришел к выводу о производственно-технологическом назначении знаков на кирпиче, связанном с его формовкой и сушкой или, скорее, с партией одного обжига⁶⁹. Хотя, по признанию самого исследователя, такое предположение не разрешает всех вопросов, однако пока что — это первая обоснованная попытка положительного ответа на них.

Массовые исследования строительных материалов памятников, открытие значительного количества кирпичеобжигательных печей (в Смоленске, Киеве, Чернигове) позволили, наконец, детальнее разработать и обосновать метод датировки кирпича по его формату, определить общую степень «разброса» параметров, составить надежную хронологическую таблицу, правда, пока лишь для Смоленска⁷⁰. Также проводились и ждут обобщения широкие обмеры кирпича зданий иных городов (прежде всего Киева).

Успешно разрабатывались в 60—70-е годы вопросы интерпретации накопленных архитектурной археологией материалов и включения их в общий контекст истории культуры и искусства. Сопоставление данных археологических раскопок с материалом исследований «живых» памятников позволило Ю. С. Асееву существенно изменить современные представления о развитии зодчества южной (Приднепровской) Руси в период конца XII—начала XIII в.; доказать, что и на последнем этапе в развитии архитектуры киевских и черниговских земель не было заметно признаков упадка; наметить основные характерные черты этого этапа, связанные с усилением воздействия вкусов и представлений посады в сфере культуры феодального города⁷¹. Близки по направлению и исследования П. А. Раппопорта, посвященные вопросам развития древнерусского зодчества в период XII—начала XIII в.⁷² В них на основе обобщения обширной новой информации поднимаются вопросы исторических и стилевых закономерностей в становлении местных архитектурных школ отдельных княжеств и накопления затем в них признаков, свидетельствующих о единых (или сходных) тенденциях в выработке типа городского храма — динамичного, устремленного ввысь, характеризующегося цельностью соподчиненных объемов. Нетрудно заметить здесь сходство, параллельность процессов с общеевропейской средневековой тенденцией архитектурного развития, нашедшей высшее выражение в «вертикализме» готики. Сходны и социальные основы этих тенденций — активное вторжение городской культуры в мир «классического» средневековья на позднем этапе его развития, в период складывания предпосылок для ликвидации феодальной раздробленности. В этой связи становится понятным образование во многих (если не во всех) локальных русских архитектурных школах конца XII—начала XIII в. основы для явственно намечавшейся интеграции в рамках единой стилистической линии, которой в силу трагически сложившейся исторической судьбы русской средневековой культуры суждено было реализоваться значительно позже и в измененных условиях.

Большое внимание в 70-е годы было уделено самоосмыслению древнерусской архитектурной археологии как особой области на стыке ряда гуманитарных наук. Подобный подход потребовал детального изучения

всего пути, пройденного ею от зарождения в результате первых раскопок памятников древнего зодчества до превращения в важнейшую сферу истории средневековой культуры в начале XX в. Источниковедческие и историографические изыскания в этой области стали основой для специальной работы, осуществленной на кафедре археологии МГУ автором данной статьи⁷³. В работе поднимались также вопросы современного состояния архитектурной археологии, в частности вопросы методики раскопок и интерпретации материалов полевых работ. В качестве примера для демонстрации возможностей этой среды науки в области исторических исследований была избрана проблема организации строительных работ в Древней Руси в их развитии с конца X до начала XIII в. На основе обобщения пока еще немногочисленных данных (археологических, литературных, искусствоведческих и др.) был решен вопрос о производстве искусственных строительных материалов на месте строительства, намечены возможные пути взаимосвязи профессиональных строителей с городскими ремесленниками, работающими на рынок; гипотетически обрисован социальный облик группы древнерусских строителей: в конце X—начале XI в. — это единственная на Руси «артель», находящаяся в распоряжении киевского князя и, видимо, зависящая от него; в начале XII в. собственная группа «епископских» строителей начинает работать в Переяславле. Эти два типа социально-зависимых «артелей» прослеживаются в зодчестве Руси на протяжении всего домонгольского этапа, причем в нескольких городах (Смоленск, Полоцк и др.). Возможность появления свободно нанимаемых строителей можно допустить в конце этого периода лишь для Новгорода. Наконец, было определено строение «артели», всегда имевшей «вертикальный» характер и включавшей мастеров всех основных специальностей — от проектировщиков до изготовителей материалов (копечно, со свойственной средневековой возможностью взаимозамены) во главе, по-видимому, с «главным мастером». Работы, требовавшие массового участия чернорабочих, выполнялись в форме феодальной повинности или даже на условиях свободного найма.

Работы над обобщением материалов древнерусской архитектурной археологии находятся в разгаре. Потребность в подробном всеобъемлющем корпусе материалов по памятникам X—XIII вв., изучавшимся археологически (а это, по сути дела, все домонгольские памятники), очень велика. В настоящее время такой обобщающий труд подготовлен П. А. Раппопортом к выходу в серии «Свод археологических источников».

Нет никакого сомнения, что история зодчества и культуры Древней Руси в целом будет и впредь пополняться материалами широких и серьезных археологических исследований, как полевых, так и теоретических.

¹ Бакланов Н. Б. Записка об учреждении при Академии Истории материальной культуры постоянной комиссии по архитектуре (1920 г.). — Арх. ЛОИА, № 1237, л. 1 об.

² Воронин Н. Н. Архитектурный памятник как исторический источник: (Заметки к постановке вопроса). — СА, 1954, т. XIX, с. 41—76.

³ Каргер М. К. Древний Киев. М.; Л., 1961. Т. 2; Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси. М., 1961, 1962. Т. 1, 2.

⁴ Воронин Н. Н. Работы советских археологов в области истории русского зодчества X—XIII вв. — В кн.: Материалы научной конференции, посвященной 40-летию советского искусствознания. М., 1958, с. 118—130; Раппопорт П. А. Археологические исследования памятников русского зодче-

ства X—XIII вв. — СА, 1962, № 2, с. 61—80.

⁵ Каргер М. К. Зодчество древнего Смоленска. Л., 1964.

⁶ Воронин Н. Н., Раппопорт П. А. Зодчество Смоленска XII—XIII вв., Л., 1979.

⁷ См. краткие ежегодные информации об этих работах в сборниках «Археологические открытия» начиная с 1976 г.

⁸ Каргер М. К. К истории полоцкого зодчества XII в.: (Руины вповь открытого храма на Верхнем Замке). — В кн.: Новое в археологии. М., 1972, с. 202—209.

⁹ Каргер М. К. Храм-усыпальница в Евфросиниевском монастыре в Полоцке. — СА, 1977, № 2, с. 240—247.

¹⁰ Раппопорт П. А. Полоцкое зодчество XII в. — СА, 1980, № 3.

¹¹ Там же.

- 12 Там же.
- 13 *Раппопорт П. А., Шолохова Е. В.* Дворец в Полоцке. — КСИА, 1981, вып. 164; *Булкин В. А., Раппопорт П. А., Штендер Г. М.* Раскопки памятников архитектуры в Полоцке. — АО 1976 г. М., 1977, с. 401.
- 14 *Каргер М. К.* Раскопки церкви Бориса и Глеба в Новогрудке. — КСИА, 1977, вып. 150, с. 79—95.
- 15 *Ткачев М. А.* Исследование памятников оборонного зодчества Белоруссии. — АО 1970 г. М., 1971, с. 307—308.
- 16 *Каргер М. К.* Церковь Благовещения в Витебске. — КСИА, 1978, вып. 155, с. 71—76.
- 17 *Штыков Г. В.* Археологические раскопки в Витебске. — В кн.: Материалы IX конференции молодых ученых. Минск, 1965, с. 61—67.
- 18 *Зверуго Я. Г.* О строительном материале храма XII в. на Волковыском Замчище. — В кн.: Тезисы докладов к конференции по археологии Белоруссии. Минск, 1969, с. 153—161; *Каргер М. К.* К вопросу о памятниках зодчества XII в. в Волковыске. — В кн.: Славяне и Русь. М., 1968, с. 420—429.
- 19 *Беллев Л. А.* Архитектура Древней Руси (конец X—начало XIII в.) по данным археологии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1975, с. 14.
- 20 *Каргер М. К.* Памятники древнерусского зодчества: (Новые архитектурно-археологические открытия в Новгороде). — Вестн. АН СССР, 1970, № 9, с. 79—85; Раскопки производились в 1966 г. (церковь Благовещения на Городище) и в 1969 г. (остальные памятники).
- 21 *Орлов С. Н., Красноречьев Л. Е.* Археологические исследования на месте Аркажского монастыря под Новгородом. — В кн.: Культура и искусство Древней Руси. Л., 1967, с. 69—76.
- 22 *Раппопорт П. А.* Церковь Пантелеймона в Новгороде. — См. наст. вып. КСИА.
- 23 *Штендер Г. М.* Новгородское зодчество: (Работы Новгородской реставрационной мастерской за 20 лет). — В кн.: Древнерусское искусство: (Художественная культура Новгорода). М., 1968, с. 352—353.
- 24 *Штендер Г. М.* К вопросу об архитектуре малых форм Софии Новгородской. — Там же, с. 83—108.
- 25 *Кирпичников А. Н.* Ладога и Переяславль-Южный — древнейшие каменные крепости на Руси. — В кн.: Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник. М., 1977, с. 417—434.
- 26 См. информации о работах в Изборско в АО 1977 и 1978 гг.
- 27 *Гусева О. Г., Иоаннисян О. М., Стеценко Н. К.* Исследование Никольского собора в Старой Ладоге. — См. наст. вып. КСИА.
- 28 *Белецкий В. Д.* Поиски древнейшего памятника архитектуры средневекового Пскова — церкви Дмитрия Солунского постройки 1144 г. — В кн.: Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам работы Государственного Эрмитажа за 1965 г. Л.; М., 1966, с. 13—16 (а также другие публикации В. Д. Белецкого).
- 29 *Асеев Ю. С., Харламов В. О., Мовчан И. И.* Дослідження архітектури Кловського собору в Києві. — Археологія, 1979, № 30, с. 37—46.
- 30 *Толочко П. П., Асеев Ю. С.* Новый памятник архитектуры древнего Киева. — В кн.: Древнерусское искусство: (Художественная культура домонгольской Руси). М., 1972, с. 80—87.
- 31 *Боровський Я. Э., Толочко П. П.* Київська ротонда. — В кн.: Археологія Києва. Дослідження і матеріали. Київ, 1979, с. 90—100.
- 32 Дворец открыт в 70-х годах. См.: *Толочко П. П.* Нове у вивченні Київва. — Археологія, 1978, № 26, с. 92.
- 33 Там же. См. также: *Толочко П. П., Килиевич С. Р.* Раскопки на Старокиевской горе. — АО 1966 г. М., 1967, с. 246—247.
- 34 См. информации о раскопках в АО 1976, 1977 и 1978 гг.
- 35 Руины разбирались в три этапа: 1951—1952, 1962—1963, 1970—1971 гг. См. об этом: *Холостенко М. В.* Успенский собор Печерского монастыря. — В кн.: Стародавній Київ. Київ, 1975, с. 107—170.
- 36 *Мовчан И. И.* Археологічні дослідження на Видубичах. — Там же, с. 80—106.
- 37 *Высоцкий С. О., Лопушинська Е. І., Холостенко М. В.* Архитектурно-археологические исследования Золотых ворот у Киева у 1972—1973 гг. — В кн.: Археологічні дослідження стародавнього Києва. Київ, 1976, с. 63—85.
- 38 *Килиевич С. Р.* До питання про будівельну справу в Києві в X ст. — В кн.: Археологія Києва: Дослідження і матеріали. Київ, 1979, с. 11—18.
- 39 *Толочко П. П.* Нове у вивченні Києва... с. 91.
- 40 *Асеев Ю. С., Сикорский М. П., Юра Р. А.* Памятник гражданского зодчества XI в. в Переяславле-Хмельницком. — СА, 1967, № 1, с. 199—214; *Юра Р. О.* Стародавні ворота в Переяславі-Хмельницькому. — Український Істор. ж., 1961, № 2, с. 155—157.
- 41 *Асеев Ю. С., Харламов В. А., Сикорский М. П.* Исследования Михайловского собора в Переяславле-Хмельницком. — В кн.: Славяне и Русь. Киев, 1979, с. 122—137. Материалы раскопок М. К. Каргера также обработаны. См.: *Малевакская М. В., Раппопорт П. А.* Церковь Михаила в Переяславле. — Зограф. Белград, 1980, № 10.
- 42 *Асеев Ю. С.* Дослідження собору в Білгороді. — Образотворче мистецтво, 1970, № 1.
- 43 *Рыбаков Б. А.* Раскопки в Белгороде Киевском. — АО 1968 г. М., 1969, с. 330—332; *Рыбаков В. А., Николаева Т. В.* Раскопки в Белгороде Киевском. — АО 1969 г. М., 1970, с. 285—287.
- 44 *Холостенко М. В.* Черниговские каменные терема XI в. — В кн.: Архи-

- тектурное наследство, 1963, т. 15, с. 3—17.
- ⁴⁵ *Холостенко Н. В.* Исследования Борисо-Глебского собора в Чернигове. — СА, 1967, № 2, с. 189—220.
- ⁴⁶ *Холостенко Н. В.* Ильинская церковь в Чернигове по исследованиям 1964—1965 гг. — В кн.: Древнерусское искусство. М., 1972, с. 88—103.
- ⁴⁷ *Холостенко Н. В.* Мощеница Спаса Черниговского. — В кн.: Культура средневековой Руси. Л., 1975, с. 199—201.
- ⁴⁸ *Богусевич В. А.* Раскопки в Путивльскому кремлі. — Археологія, 1963, т. 15, с. 165—174.
- ⁴⁹ *Рыбаков Б. А.* Раскопки в Путивле. — АО 1965 г. М., 1966, с. 154—155.
- ⁵⁰ *Каргер М. К.* Новый памятник зодчества XII в. в Турове. — КСИА, 1965, вып. 100, с. 131—133.
- ⁵¹ *Раппопорт П. А.* Трубчевск. — СА, 1973, № 4, с. 205—217.
- ⁵² *Раппопорт П. А.* «Старая Кафедра» в окрестностях Владимира-Волынского. — СА, 1977, № 4, с. 253—266.
- ⁵³ Раскопки под руководством А. Жаки.
- ⁵⁴ *Базрий Р. С. и др.* Раскопки во Львове. — АО 1975 г. М., 1976, с. 298; *Базрий Р. С., Могыльч И. Р., Свешников И. К.* Работы древнерусского отряда Львовской экспедиции. — АО 1976 г. М., 1977, с. 264—265.
- ⁵⁵ *Рагич О. О.* Литописный Звенигород. — Археологія, 1973, т. 12, с. 87—94.
- ⁵⁶ *Поанисьяк О. М.* Центрические постройки в галицком зодчестве. — См. наст. вып. КСИА; см. также *Каргер М. К.* К истории галицкого зодчества XII—XIII вв. — КСИА, 1976, вып. 146, с. 53—59.
- ⁵⁷ *Монгайт А. Л., Чернышев М. Б.* Спасский собор в Старой Рязани. — В кн.: Новое в археологии. М., 1972, с. 210—216.
- ⁵⁸ *Монгайт А. Л., Раппопорт П. А., Чернышев М. Б.* Церковь Нового Ольгова городка. — В кн.: Культура средневековой Руси. Л., 1974, с. 163—167.
- ⁵⁹ *Раппопорт П. А.* Церковь Василия в Овруче. — СА, 1972, № 1, с. 82—97.
- ⁶⁰ *Белая Л. А.* Из истории зодчества древнего Чернигова. — В кн.: Проблемы истории СССР. М., 1974, с. 3—18.
- ⁶¹ *Самойловский М.* Миська брама X ст. у Києві. — Археологія, 1965, т. 19, с. 183—188.
- ⁶² *Каргер М. К.* К истории галицкого зодчества XII—XIII вв., с. 53—59.
- ⁶³ *Раппопорт П. А.* О методике раскопок археологических памятников древнерусского зодчества. — КСИА, 1973, вып. 135, с. 17—22.
- ⁶⁴ *Белая Л. А.* Раскопки: (Археологический комплекс). — В кн.: Методика реставрации памятников архитектуры. М., 1977, с. 58—61.
- ⁶⁵ *Рыбаков Б. А.* Раскопки в Путивле, с. 154—156; *Он же.* Раскопки в Белгороде Киевском, с. 330—333; *Рыбаков Б. А., Николаева Т. В.* Раскопки в Белгороде Киевском, с. 285—287.
- ⁶⁶ *Раппопорт П. А.* Собор Троицкого монастыря на Кловке в Смоленске. — СА, 1975, № 4, с. 235—248.
- ⁶⁷ *Медникова Е. Ю., Раппопорт П. А., Селиванова Н. Б.* Изучение древнесмоленских строительных растворов. — КСИА, 1978, вып. 155, с. 44—56; *Значко-Яворский И. Л.* Исследования строительных растворов церкви 1023 г. в Тмутаракани. — СА, 1979, № 1, с. 210—217.
- ⁶⁸ *Белая Л. А.* Из истории древнерусского строительного ремесла: (Знаки и клейма на древнерусских кирпичах). — В кн.: Проблемы истории СССР. М., 1973, с. 436—456.
- ⁶⁹ *Раппопорт П. А.* Знаки на плинфе. — КСИА, 1977, вып. 150, с. 28—33.
- ⁷⁰ *Раппопорт П. А.* Метод датирования памятников древнего смоленского зодчества по формату кирпича. — СА, 1976, № 2, с. 83—93.
- ⁷¹ *Асеев Ю. С.* Зодчество Приднепровской Руси конца XII—первой половины XIII в.: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1975.
- ⁷² *Раппопорт П. А.* Русская архитектура на рубеже XII и XIII вв. — В кн.: Древнерусское искусство: Проблемы и атрибуция. М., 1977, с. 12—29; *Он же.* О взаимосвязи русских архитектурных школ в XII в. — Тр. ин-та живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина. Сер. Архитектура. Л., 1963, вып. 3, с. 3—25. См. также: *Раппопорт П. А.* Древнерусская архитектура. М., 1970.
- ⁷³ Работа была защищена в качестве кандидатской диссертации. См.: *Белая Л. А.* Архитектура Древней Руси...